

О любом хорошем артисте говорят: он неповторим, неподражаем. Елена Камбуrowa уж и совсем никого не повторяет, и ее — никто. На нее даже пародий нет. Голосом она может пройти от большой октавы до «ля» третьей, а в детском телефильме «Приключения электроника» спела за кадром песни, куда там солистам хора мальчиков!

Она настолько особенная, что ее в родном Москонцерте не знали, кем считать: сначала зачислили в мастерскую оригинальных жанров, потом перевели в «сатиру и юмор». И пожимали плечами: может, и талантлива, но — куда ее? Никуда не подходит. Не к вокалистам же!

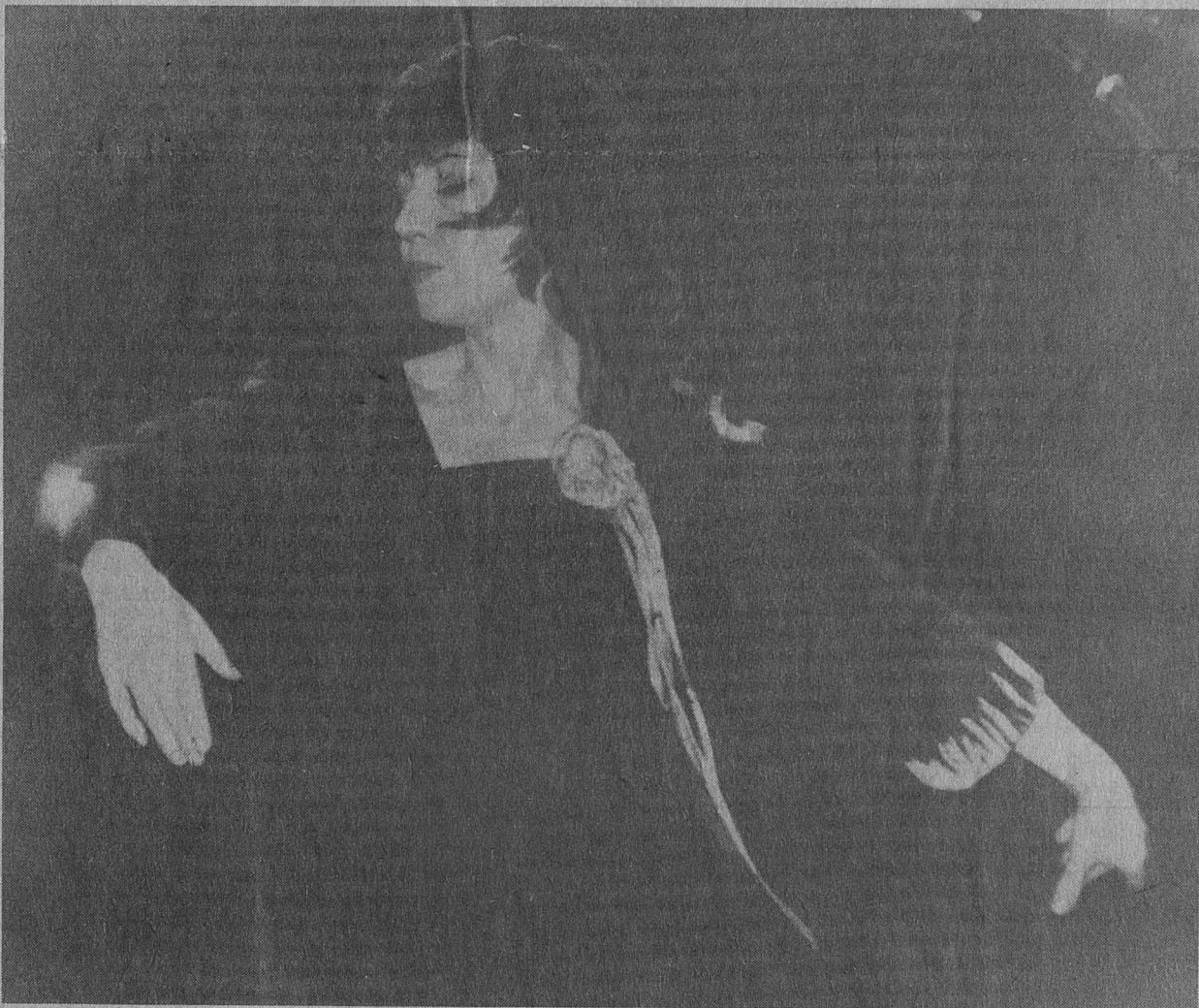
А ей было безразлично — лишь бы петь! Ни одна из ее программ не прошла ровно-гладко. Выясняли: зачем выбрала именно это, а не то, откуда в революционной песне — трагедийная интонация, почему оптимизма мало, что за над-

рыв!.. И так — каждый раз! Она не кидалась в бой, в старый репертуар упорно вставляла куски из новой, выстраданной, выстроенной программы — раз уж целиком нельзя... Как стойкий андерсеновский солдатик, молчала, но не сгибалась. И не сворачивала.

Между тем свой путь она нашла не сразу. Выросшая в украинском городке Хмельницкий, после школы она поступила в Киевский институт легкой промышленности. Однако через два года, бросив все, уже стояла на пороге Щукинского. Кто знает, не провались она после третьего тура, может быть, сейчас играла бы и [пела!] в спектаклях Таганки, ведь именно тогда набирался любимовский курс — «тот самый»!

Целый год она занималась тем, что никакого отношения к искусству не имеет. Работала на вокзале, на стройке. Потом поступила в эстрадно-цирковое училище.

про меня...»

Культура. — 1993. — 31 июля. — С. 5

Фото Н. Чирясовой.

— Елена Антоновна, чего же вы хотели все-таки!

— Ничего конкретного, но чего-нибудь героического. Сыграть Жанну д'Арк, например. Или какие-то характерные роли. Во многих моих песнях заложена возможность быть характерным актером, так это я свои мечты осуществляю. Я начала петь Б. Окуджаву, Н. Матвееву, Ю. Кима неосознанно, мне просто они нравились. Но когда поешь не «вприглядку», пропускаешь через себя, путешествуешь с ними, поневоле меняешься. В них заложено многое для формирования личности.

— Работать с вами хотели и А. Эфрос, и Р. Быков, почему же не сложилось!

— Если бы они занимались только творчеством, а то им все время приходилось еще и сражаться... Сил на все остальное уже не оставалось, а в этом «всем остальном» была и я.

— За что первую составленную вами сольную программу назвали антисоветской!

— Я до сих пор не понимаю. В романсе «Белеет парус одинокий» в моем исполнении чиновникам слышался призыв к эмиграции. И уж совсем доходило до абсурда, когда строки: «... и тот пелух в семнадцатом колене так крикнет, что подкосится колени» — расценивались, как намек на 1917 год и поклел на советскую власть. Я недавно прослушала свои первые песни: столько оптимизма, столько мажора! Как можно было видеть в них какую-то угрозу, патологию?

— В вашем репертуаре есть

песни таких ярких исполнителей, как В. Высоцкий, Жак Брель — его вы пели даже во Франции. Вас не беспокоит, что зрители невольно будут сравнивать?

— Я не боюсь сравнения. Я пою их песни, в которых много духовности, мужества, благородства. Нам так не хватает, особенно сейчас, всех этих качеств.

— Все реже мы слышим и видим выступления «звезд» бывшей советской эстрады, я уже не говорю о вас, вы и раньше почти не появлялись на ТВ. Не обидно!

— Нет. Свое место я определяю по глазам моих зрителей. Поверьте, они есть в каждом городе. Говорят, академик Мальцев бросался перед трактором, защищая собой поле, на котором он потом высевал то и тогда, что и когда считал нужным. Так и я готова оберегать своего зрителя. Я не против поп-музыки, но, когда она занимает все, это катастрофа. Меня обвиняют в несовременности, а я не хочу быть такой современной, я не была бы современной, даже если бы была на двадцать лет моложе.

Мне грустно, что круг моего влияния мал. Я могла бы сделать гораздо больше, если бы мне помогали: осуществлять записи, съемки на ТВ песен в том виде, как они того заслуживают.

— Вы много поездили и сейчас ездите по стране. В каком городе у вас самый-самый «свой зритель»!

— Меня часто посылали на гастроли в глубинку, по деревням, воинским частям, шахтер-

ским клубам, где уж тут говорить о «своем» зрителе, на такие концерты приходили все, кто мог, да и кому просто больше некуда было идти. Но я всегда пела в надежде, что и среди такой аудитории появится мой зритель, в которого верю, который помогает мне не опускать руки. В моей жизни было столько запретов, что, если бы я так сильно не верила, что кому-то нужно то, что я делаю, — не знаю, что бы со мною стало.

— Но вы же все-таки были и официально признаны: получили в свое время премию Московского комсомола, правда, я слышала, что во многом благодаря горячему заступничеству того же Р. А. Быкова!

— Да, он принимал активное участие, и премию я действительно получила. От придирок, бесконечных проверок репертуара звание лауреата не спасало, но на гастролях для местного начальства оно все же звучало и защищало.

— Сейчас вы уже можете выбирать концертные площадки.

— Я не люблю огромных залов, в них мне не по себе, я как-то теряюсь. Мне по душе небольшие уютные залы, где, может быть, не так много зрителей, но зато нет случайных. Они знают, кого они пришли слушать, знают, чего от меня ждать. В моем репертуаре есть вещи, требующие тихого, уединенного восприятия, без всяких шумовых эффектов.

— В свое время вы сильно страдали от некомпетентных судей. Сейчас, уже три года

подряд, вы сами — судья. Входите в жюри конкурса актерской песни имени Андрея Миронова...

— До сих пор, мне кажется, я не ошибалась, хотя... Надежды, которые я возлагала на этот конкурс, сбылись не все. Мне очень дорого, когда в песне есть сокровенность. Я бы за нее даже специальный приз давала. Этой краски лишена наша эстрада. Редко, когда она покажется робкой гостьей на миг и исчезнет, а хотелось бы, чтобы именно на этом конкурсе ей хорошо дышалось.

— Ну, и несерьезные вопросы: у вас повсюду — куклы, вы их сами мастерите!

— То, что вы видите в квартире, все эти смешные человечки, зверушки, это в основном подарки зрителей. Может быть, ничего не стоящие безделушки, но мне они дороги. Сама я очень люблю шить и дарить клоунов. С гениальным клоуном Леонидом Енгибаровым я дружила, мы даже собирались выступить с программой на двоих...

— В одной из песен, как папачею от всех бед, вы вместе с Б. Окуджавой предлагали «капли датского короля». А вам самой что помогает жить!

— К сожалению, нет у меня таких капель. А помогает мне вера. В песни, в друзей, многие из которых — выходцы из моего зрительного зала.

— То есть мы вернулись опять-таки к «своему зрителю». Да здравствует!

Беседу вела
Т. ПЕТРЕНКО.